Карл Сталь

Воспоминания о Слуцке

Карл Сталь

Воспоминания о Слуцке

«Автор»
2026

Сталь К.

Воспоминания о Слуцке / К. Сталь — «Автор», 2026

Каким был Слуцк в прошлом? Как жили его жители, чем занимались местные дворяне, какие события определяли судьбу города и его окрестностей? Ответы на эти вопросы можно найти в книге «Воспоминания о Слуцке».Это мемуарно-историческое произведение, посвящённое прошлому одного из старейших городов Беларуси и бывшего центра Слуцкого княжества. Воспоминания написаны уроженцем Слуцка бароном Карлом Сталем, которые были опубликованы в 1905 году в польском городе Гнезно. Полный текст на русском языке публикуется впервые.Вместе с автором мы совершим экскурсию по старому Слуцку и познакомимся с некоторыми его жителями. Это не только рассказ об истории города, но и попытка сохранить образ целого края - его общество, культуру и атмосферу ушедшей эпохи.Книга представляет огромный интерес для историков, краеведов, генеалогов и всех, кто интересуется богатым историческим наследием Случчины и земель бывшего Великого Княжества Литовского.

© Сталь К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
ВОСПОМИНАНИЯ О СЛУЦКЕ 7
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Карл Сталь
Воспоминания о Слуцке

Предисловие

Данное издание – это первая попытка познакомить русскоязычную аудиторию с уникальной книгой, полным текстом воспоминаний о Слуцке («Wspomnienia o Słucku») барона Сталя, уроженца Слуцка, который с глубокой ностальгией и точностью восстанавливает картины жизни города прошлых эпох. Книга была издана анонимно после смерти автора Александром Марьянским (1845-1912) в 1905 году в Гнезно на польском языке. Издатель подписал книгу криптонимом B.J.K. и добавил свои примечания к тексту, большую часть из них я сохранила.

Вместе с автором мы совершим экскурсию по старому Слуцку и познакомимся с некоторыми его жителями. Важно отметить, что воспоминания – это субъективное мнение автора.

В 1797 году барон Франц Фердинанд Федор Шталь (Сталь) был определен в город Слуцк городничим. В различных документах его фамилия обычно была написана через букву «Ш», а в дальнейшем стала писаться через «С» — барон Сталь.

Он построил дом, который сохранился до наших дней, имеет богатую историю, а сейчас в нем размещается краеведческий музей.

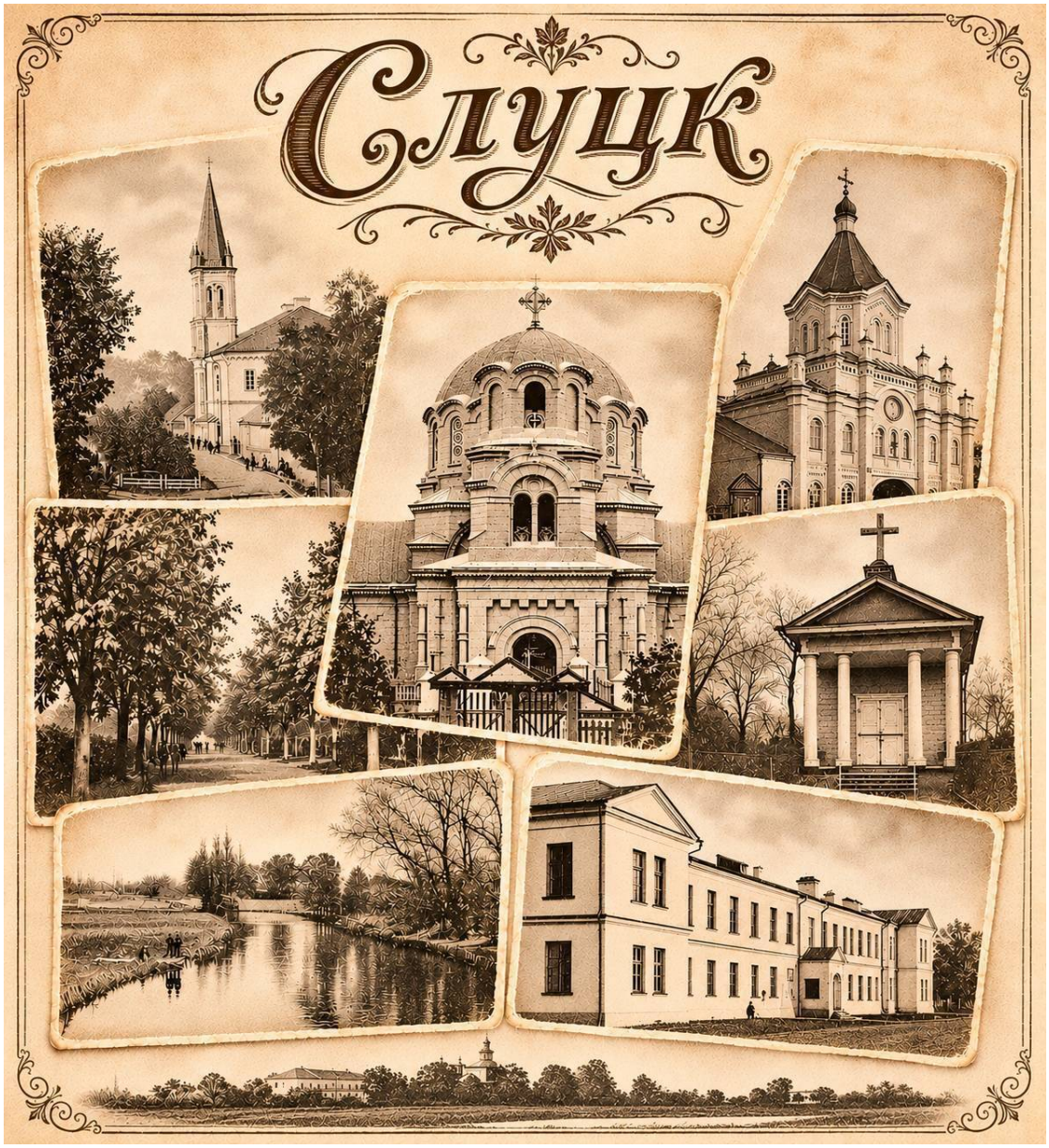
Его сын Карл-Александр-Адельберт родился 9 ноября 1816 года в Слуцке. В 1826 году поступил во второй класс Слуцкой гимназии. После её окончания продолжил учебу в Императорской военной академии в Санкт-Петербурге. В 1837 году начал службу в российской армии в должности прапорщика и был направлен на Кавказ. Результатом его многолетних наблюдений стала работа «Этнографический очерк черкесского народа». В 1864 году Карл Федорович Сталь вышел в отставку и проживал в Одессе. Умер 19 июля 1890 года, похоронен на Втором Христианском кладбище. Он был награжден многочисленными орденами и саблей за храбрость.

Именно барон Карл Сталь является автором этих воспоминаний.

Данный перевод на русский язык я дополнила примечаниями, которые вы найдёте в сносках с пометкой В.Г.

Книга представляет огромный интерес для историков, краеведов, генеалогов и всех, кто интересуется богатым историческим наследием Случчины и Великого Княжества Литовского.

Вера Грабовская

Слуцк

ВОСПОМИНАНИЯ О СЛУЦКЕ

Вступительное слово от издателя [1]

Слуцк прославился в Польше не только производством поясов. Он вписал своё имя в нашу историю и многими другими, порой весьма почётными, способами.

Город Слуцк, относившийся к Новогрудскому воеводству на Чёрной Руси, в XV веке стал уделом князей Олельковичей, происходивших от Ольгерда и, следовательно, состоявших в близком родстве с Ягеллонами. Они владели Слуцким княжеством почти как самостоятельные государи. Это был плодородный край, простиравшийся на тридцать миль, который в начале XVII века последняя княжна из этого рода пере во владения Радзивиллов.

Когда в 1648 году широко разлился казацкий потоп, уничтожавший всё огнём и мечом, Хмельницкий, по-видимому, сразу после Корсунского поражения[2] направил свои полки в Полесье. Мятежники, как их тогда называли, покорили Речицкий повет и Слуцкое княжество, дошли даже до стен самого Несвижа.

Именно тогда Слуцкая крепость впервые с честью выдержала вражеский натиск. Храбрый Ян Сосновский, защитник замка, не только не заплатил дани казацкой черни, но и трижды нанёс осаждавшим крестьянам поражение, отогнав их от Слуцка.

Во второй раз Слуцкий замок, заново укреплённый князем Богуславом Радзивиллом, устоял в 1655 году, когда его осадило московское войско под командованием князя Алексея Трубецкого. Отважный полковник Петерсон отразил неприятеля и вынудил его отступить.

В то время Москвой управляли в Вильне, в Новогрудке шляхта присягала на верность царю, а в Минск к царскому воеводе ездила с поклонами. Слуцк этого позора не испытал.

Религиозные новшества, распространявшиеся с Запада, рано проникли в Слуцк. Особенно примечательно, что распространению нового учения в Литве содействовали три монаха-беглеца, пришедшие из глубины Московии на Белую Русь. Венгерский прославляет их как апостолов чистого Слова Божьего. Один из них, Артемий, находился при дворе Юрия II, князя Слуцкого. Сам князь исповедовал греческую веру, а его жена была католичкой — родной сестрой, известного благодаря роману Немцевича, Яна из Тенчина. Брак их внучки, оставшейся сиротой, за руку и наследство которой боролись могущественные вельможи, окончательно укрепил господство протестантизма в Слуцке на последующие века.

Радзивиллы, ревностные сторонники учения Кальвина, основали в Слуцке реформатскую общину и школы гельветского[3] вероисповедания**.** Значительно позднее здесь появились коллегиум и школа иезуитов. Несмотря на это, вплоть до сравнительно недавнего времени Слуцк оставался одним из главных центров религиозного многообразия в Польше.

Именно здесь, под покровительством русского военачальника Нумерса и при содействии генерала Речи Посполитой Яна Грабовского, 10 марта 1767 года была заключена конфедерация литовских диссидентов вместе с православными, не принявшими церковную унию.

По странному стечению обстоятельств кальвинисты унаследовали в Слуцке владения иезуитов. После разделов Речи Посполитой на месте иезуитских школ возникла гимназия, в которой преподавали кальвинисты, а значительную часть учеников составляли католики. Однако она сумела оставить благодарную память в сердцах своих воспитанников.

С историей этой школы связано почтенное имя семьи Ванновских. В этой семье словно по наследству передавались служение протестантского духовенства и профессия учителя.

---

[1] Предисловие Александра Марьянского.

[2] В.Г.: битва 25–26 мая 1648 года под городом Корсунь.

[3] В.Г.: кальвинистского.

К ней принадлежал Август Ванновский, доброй памяти человек, близкий родственник старейшины слуцкой реформатской общины. С 1824 по 1869 год он преподавал классические языки в познанской гимназии Святой Марии Магдалины. Из той же семьи происходил и живший в то время генерал Ванновский, которому было за восемьдесят. Он также был бывшим преподавателем, но в военной академии; впоследствии стал русским военным министром, а затем министром просвещения, оказал большие услуги организации русской армии. К сожалению, он был не только не поляком, но и врагом поляков.

Подобно тому как Слуцк был главным центром религиозных диссидентов, он являлся и оплотом противников церковной унии. Здесь жил печально известный Виктор Садковский, епископ переяславский и бориспольский, архимандрит местного монастыря Святой Троицы, послушное орудие Екатерины II. Именно он начал в Литве дело, которое позднее завершил Семашко.

Толстая книга под малозначительным названием «Приложения к первой части реляции о мятежах, представленной на сейме 1790 года» сохранила документы, относящиеся к истории этого зловещего жителя Слуцка.

В то же время Слуцк может гордиться памятью ревностного и учёного прелата Шантыра.

В 1812 году Слуцк оказался на пути движения пятого корпуса Великой армии, шедшей из Гродно через Новогрудок, Кореличи, Мир и Несвиж к Могилёву и Смоленску. 22 июля польские воины вошли в Слуцк, а на следующий день продолжили поход.

Они с готовностью отдавали жизнь за чужую державу, но их жертва оказалась напрасной. В Слуцке Наполеон отстранил от командования армией короля Вестфалии Иеронима, убедившись в его неспособности руководить войсками, и отправил его обратно в собственную страну.

Следовательно, Слуцк располагает немалым количеством исторических воспоминаний. Кроме того, выходцами из его окрестностей были Зорян Ходаковский[4], исследователь славянской истории, и Ева Фелинская[5], урождённая Вендофф, женщина большого сердца, изгнанница и писательница, мать архиепископа.

Под Копылем провёл юность Адольф Янушкевич, также сосланный в Сибирь и увековеченный в «Дзядах» Мицкевича; он был автором «Писем из киргизских степей».

Наконец, уроженцем Слуцкого края был наш поэт Владислав Сырокомля. В 1858 году литовский лирик посетил Великопольшу[6], где его встречали с трогательным чувством. По-видимому, он побывал тогда и в Гнезно. Прекрасное, известное стихотворение осталось памятью о его пребывании среди великопольских братьев.

* * *

Настоящие воспоминания, впервые публикуемые по рукописи, были написаны в 1886 году сыном и воспитанником Слуцка, занимавшим высокий пост на русской службе. Хотя почти всю свою жизнь он провёл среди чужих и умер вдали от родины, он не утратил привязанности к родной земле, впитанной с материнским молоком, и не забыл польского языка, хотя тот сильно исказился под неизбежным влиянием близкого, но чужого языка за полвека жизни вдали от родины.

Он умер 19 июля 1890 года по старому стилю в одном из крупных провинциальных городов России, связанных с жизнью Мицкевича.

Имя у него было немецкое, но душа осталась литовской[7].

---

[4] В.Г.: Зориан Доленга-Ходаковский, настоящее имя Адам Чарноцкий (1784-1825) - славяновед, археолог, фольклорист, этнограф и диалектолог. Родился в с. Подгайная (сейчас Кореличский район).

[5] В.Г.: Ева Фелинская (1793-1859) - писательница, автор воспоминаний, родилась в д. Узнога Слуцкого уезда.

[6] В.Г.: исторический регион в западно-центральной части Польши, в бассейне реки Варты, считается колыбелью польского государства: именно здесь в X веке князь Мешко I объединил земли и заложил основы первой польской государственности.

[7] Мицкевич.

В молодости, рано оказавшись далеко от родины и среди людей иной веры, он был равнодушен к религии. В зрелом возрасте он искренне вернулся к практике католицизма и ревностно придерживался её до самой смерти.

Мы ничего не меняем в рукописи, исправляя лишь иногда особенно бросающиеся в глаза русские языковые влияния. Все примечания принадлежат издателю, а не автору.

Значение этих воспоминаний не слишком велико. Они невелики по объёму и не исчерпывают предмета. Гораздо больше интересного могло бы содержаться в продолжении, где автор намеревался рассказать о выдающихся семьях и людях Слуцкого края, однако престарелый автор так и не осуществил первоначальный замысел.

И всё же даже то, что публикуется здесь, достойно спасения от забвения. Это свидетельство о польском обществе в далёких краях бывшего Новогрудского воеводства, которые, не дай Бог, могут оказаться навсегда утраченными для нас. Этот край был также родиной Адама Мицкевича.

* * *

Ещё несколько слов, пусть и незначительных, но достойных повторения в тот момент, когда литовский мемуар, предстает перед публикой, появившись в Гнезно.

Многомильное расстояние отделяет Гнезно от Слуцка[8]. При такой удалённости кажется невероятным, что можно найти следы отношений между двумя городами в прошлом, когда хороших дорог ещё не существовало, а сообщение были крайне затруднено.

И всё же такой след сохранился — и относится к XVII веку. Чтобы понять его значение, необходимо сделать небольшое пояснение.

Благодаря долгому правлению Сигизмунда III и ревностным усилиям католических орденов, особенно иезуитов, влияние протестантизма в Польше было ослаблено, а религиозное единство народа сохранено. Иначе народ мог бы разделиться на два религиозных лагеря, как это произошло в Германии или Венгрии.

Знатные семьи, а вслед за ними и другие, возвращались в лоно Католической церкви. Приходские храмы, отнятые у католиков их покровителями и превращённые в протестантские молитвенные дома, вновь становились католическими.

В Великопольше протестантизм, несмотря на утрату прежнего господства, всё ещё сохранял значительное влияние.

В 1632 году, спустя несколько месяцев после смерти Сигизмунда III, учёный и достойный гнезненский архидиакон Адам Лесьневский проводил каноническую инспекцию своего архидиаконата. Среди 18 приходских церквей, входивших тогда в гнезненский деканат Святого Петра, он обнаружил одну, издавна находившуюся во владении иноверцев. Посетить её с инспекцией он не мог.

Это была церковь в Дембнице, на полпути между Гнезно и Клецком. Деревня известна и по военной истории: на полях между Дембницей, Дзечмарками и Клецком произошло кровопролитное сражение между шведскими захватчиками и польским войском, которым командовали Стефан Чарнецкий и Ежи Любомирский. Битва состоялась 8 мая 1656 года. Её участник, историк и поэт Веспасиан Коховский оставил описание этого события.

Дембницкий костёл, посвящённый Святому Николаю и Святой Ядвиге, существовал ещё до 1400 года. Его покровителями были владельцы деревни Дембница и уже не существующей деревни Загайево[9].

---

[8] В.Г.: расстояние от Гнезно до Слуцка 789 км.

[9] Liber benefic. Łaskiego. В.Г.: «Книга бенефициев Лаского» - описание церковных владений, приходов, доходов и церковных учреждений Гнезненской архиепархии.

Около 1555 года Станислав Латальский, староста члухувский и иноврoцлавский, отнял церковь у католиков. Он был родным племянником примаса[10] Яна Латальского[11], влиятельным вельможей, женатым на померанской княжне. Ему также принадлежал Лабишин, где он построил молитвенный дом для кальвинистов. Дембницкая община входила в число семи гельветских общин, которые в декабре 1627 года на синоде в Остроroге объединились с чешскими братьями.

Третьим по счёту служителем этой общины был Марцин Орминиуш. С 1633 года и до самой смерти в 1643 году он одновременно являлся духовным старейшиной, то есть главой чешских братьев в Великопольше. Он родился в Верушове на реке Просне — старинном центре религиозных диссидентов. Позднее, в 1673 году, там умер Августин Кордецкий, героический защитник Ченстоховы. Орминиуш служил пастором в разных местах, в том числе в Хоментове под Кцынией и дважды в Кармине под Плешевом.

Как высокопоставленный духовный деятель, Орминиуш, естественно, поддерживал тесные отношения с другими религиозными диссидентами, особенно с кальвинистами в пределах Речи Посполитой, и переписывался с ними. Слуцк в Литве всегда был деятельным центром реформатского вероисповедания. Его жители, среди которых были потомки шотландцев, со временем полонизировавшиеся, вплоть до середины XVII века славились своим достатком и торговлей. Они ездили со своими товарами в самые отдалённые уголки Польши и Москвы и даже в Германию. Среди польских городов, известных своими ярмарками, с давних времён выделялось Гнезно. Особенно знамениты были его суконные торги. Купцы из Торуни, Вроцлава и других силезских городов держали там собственные склады. Торговцы приезжали издалека, чтобы пополнить запасы товаров[12]. О значении гнезненских ярмарок свидетельствует то, что на них прибывали даже купцы из столь далёкого Слуцка. Возможно, помимо торговли, их привлекало желание встретиться с единоверцами. Возможно также, что они выбирали этот путь, направляясь за товарами ещё дальше, в Германию.

Как бы то ни было, в 1637 году, когда регулярной почтовой связи ещё не существовало, слуцкие купцы привезли на гнезненскую ярмарку письмо от Якуба Таубмана, ректора слуцких школ, адресованное духовному старейшине Орминиушу в Дембнице. Это письмо видел историк Юзеф Лукашевич[13].

Католики вернули себе церковь в Дембнице в 1645 году, однако чешские братья продолжали проводить богослужения в местном замке вплоть до шведского вторжения. Второй преемник Орминиуша на посту дембницкого пастора, Ян Якобидес, едва избежавший смерти весной 1656 года, когда Чарнецкий стоял со своим войском под Гнезно, позднее отправился с двумя товарищами в Кармин, чтобы узнать, что случилось с его дядей, духовным старейшиной Яном Бытнером.

Все трое были переодеты в польскую одежду. По-видимому, их заподозрили в шпионаже, поскольку иноверцы открыто симпатизировали захватчикам. Их жестоко убили в деревне Мала-Лутыня, недалеко от Кармина, возле местечка Добжица[14].

***

Разделы страны разорвали политическую связь между Польшей и Литвой, но не разорвали братских чувств.

---

[10] В.Г.: архиепископ.

[11] Согласно ксендзу Корытковскому, владельцем Дембницы был не Станислав Латальский, а его брат Ежи, воспитанник Лейпцигского университета. Сыновья последнего, оставив веру своих отцов, стали ярыми врагами Церкви. Трудно разобраться в этой генеалогии.

[12] Карвовский, Гнезно.

[13] История гельветских (кальвинистских) церквей в Литве, том II, с. 78.

[14] О церквях чешских братьев, с. 281 и 375. В.Г.: Bracia czescy — чешские братья, религиозное движение, известное также как Единство чешских братьев.

В 1857 году в Варшаву из Литвы приехали Одынец, Сырокомля, Монюшко и поэтесса княгиня Габриэля Пузыня, урождённая Гюнтер. Молодая в то время Деотыма приветствовала литовских гостей импровизацией, в которой прозвучали следующие строки:

Скорее небо над землёй расколется,
Скорее роза на кедре расцветёт,
Скорее земля сойдёт со своей оси,
Скорее ангел откажется от молитвы,
Скорее дух ада провозгласит истину,
Чем угаснет любовь Польши и Литвы.

Поэтому мы надеемся, что воспоминания старика о литовском Слуцке не оставят равнодушными читателей Великопольши.

Гнезно, 3 сентября 1903 года

B . J . K .

I .

Несмелой рукой берусь за перо: мне уже почти семьдесят лет. Не время мечтать об авторской славе. Единственная мысль, побудившая меня написать эти воспоминания, — сохранить для потомков сведения о древнем Слуцке, его горожанах, общественном устройстве и просвещении в те времена, когда я там жил.

В воспоминаниях госпожи Фелинской содержится краткое описание Слуцка периода её пребывания там, по-видимому, до 1815 года. Это и навело меня на мысль дополнить её описание сведениями вплоть до 1880 года. Пусть эта работа станет моим скромным приношением родному краю и гражданским добродетелям его жителей.

Перенесёмся мысленно, читатель, в Литву, к границе Полесья и его лесов. Там расположен Слуцк — древний город, некогда укреплённый. Начиная с XIII века, он не раз выдерживал натиск монгольских орд и неоднократно подвергался разрушениям. Однако его деревянный замок с героическим мужеством выдержал немало осад, отразил множество яростных нападений монголов и других врагов и никогда не был взят. Честь и слава отважным князьям, владевшим тогда этой землёй! Честь и слава слуцким горожанам, которые в минуты страха и опасности умели пожертвовать собой ради своего князя и отражать яростные штурмы нападавших.

Здесь я родился, здесь учился в школе. Каждый уголок этого города и его окрестностей дорог моему сердцу и моей памяти.

II .

Первыми жителями Слуцка и всей этой земли были русины белорусского происхождения — благочестивые, добродетельные и трудолюбивые люди. Позднее, в XV веке, здесь поселились поляки и литовцы. Немало переселенцев прибыло также из Киевского княжества вместе с князьями Олельковичами. Во времена Реформации появились немцы и шотландцы. Киевлянам город обязан развитием торговли и промышленности. Во времена литовского правления здесь насчитывалось более 5000 христиан. Позднее появились евреи. Их поселение, имело пагубные последствия для славянского христианского населения: около 1830 года из 5000 христианских горожан и купцов осталось не более 1000 или 1200, тогда как число евреев возросло до 5000 человек и более[15].

Слуцк — уездный город Минской губернии, расположенный к югу от Минска. В нём проживало более 7000 человек и насчитывалось 1286 домов, из которых только 15 были камен-

[15] Автор книги «Краткий очерк из истории Католической церкви в России», том I (1889), приводит численность населения Слуцка приблизительно в 12 000 человек, из них: католиков — 3900; православных — 1900; кальвинистов — 200; евреев — 6000.

ными. Город располагался по обоим берегам реки Случи, берущей начало в близлежащих болотах и топях, поросших лесом. Дойдя до середины города, Случь[16] оказывалась перегорожена мощной плотиной. На ней стояли две мельницы, приносившие значительный доход владельцу города — князю Витгенштейну.

Ниже мельниц река поворачивала направо. Покинув город, она омывала предместье Тройчаны, а затем, в роще, называемой фазанарием, соединялась со вторым рукавом Случи. В шести милях от города река впадала в Припять. Здесь расположено местечко Старобин. Окрестности Слуцка были довольно плодородны. Земли, не затапливаемые во время весеннего таяния снегов, давали хорошие урожаи пшеницы и других зерновых, но лишь при условии надлежащей обработки почвы.

Точно установить время основания Слуцка невозможно. При великом князе Ярославе эта земля, простиравшаяся до истоков Немана, относилась к Киевскому великому княжеству. После смерти Ярослава в 1054 году, при князе Изяславе, между русскими князьями началась междоусобная война, и в 1116 году Слуцк был сожжён. Границы Слуцкого княжества проходили следующим образом: на севере оно граничило с Минским поветом, на востоке — с Речицким, на юге — с Мозырским и Пинским, а на западе — с Новогрудским поветом. Позднее в Новогрудке находилась резиденция великих князей литовских.

Во время войны князей рода Рюриковичей против Владимира Мономаха минский князь Глеб, потомок Рогнеды[17], сжёг город Слуцк. В 1148 году Слуцком владел один из сыновей Изяслава. Русские, туровские и кривичские князья начали войну против Изяславича, разбившего их дружины под Переяславлем. В результате Слуцк перешёл к Святославу, князю черниговскому.

В 1162 году Слуцком вновь владела ветвь киевских князей. Здесь правил Владимир, брат великого князя киевского Ростислава. Однако туровские и минские князья снова изгнали его из Слуцкого княжества.

С этого времени и до XV века название Слуцкого княжества не встречается в летописях. Можно предположить, что в XII–XIII веках, когда вся восточная и южная Русь была завоёвана монголами и находилась в зависимости от них, великие князья литовские овладели Слуцком. Галицкий князь Лев, находившийся в зависимости от монголов, заключил союз против литовского князя Тройдена и пригласил монголов к участию в походе. Монголы под предводительством Мангу-Тимура соединились под Слуцком с войсками русских князей и разорили всю эту землю. Союзники подошли к Новогрудку и осадили город и замок, но литовцы мужественно оборонялись. Враги отступили, опустошив окрестности.

В период монгольского господства великие князья литовские из рода Гедимина отнимали у монголов русские княжества. Так им достались Чернигов, Киев, а также земли нынешних Подольской и Волынской губерний. Великий князь литовский Витовт изгнал татар, поселившихся на Подолье. Их остатки укрылись в южной Бессарабии и, продолжают жить там под названием «Ливки-Татар-Топраг», то есть литовские лесные татары.

Южная граница Литвы проходила по рекам Дисне, Днепру, Тясмину и Тилигулу. Вся эта территория была роздана князьям литовского рода. Таким образом, в 1395 году Киев достался Владимиру Ольгердовичу. Его сына Александра народ прозвал Олелькой, и с тех пор весь этот княжеский род получил фамилию Олелькович.

---

[16] Эту реку Случь, впадающую в Припять с левой стороны, следует отличать от другой реки Случи, которая впадает в Горынь с правой стороны Припяти.

[17] Жена Владимира — псковская княжна.

Киевская княгиня, вдова князя Симеона Олельковича, постоянно подвергалась нападениям казаков, которые грабили и разоряли Киевское княжество и совершали набеги даже в полесские леса, доходя до местечка Горваль[18].

Откуда появились казаки? Слово «казак», имеет татарское происхождение и означает бобыля[19]. В татарских общинах такие люди служили при стадах и табунах, а в периоды безработицы собирались в отряды, занимавшиеся воровством и открытым грабежом. В XIII–XIV веках, после монгольского разорения, земли между Днепром и Карпатами были малонаселёнными. По ним бродили большие и малые татарские отряды, искавшие добычу. К татарам присоединялись бездомные, беглецы и другие вольные люди[20] из христиан. Вместе они занимались разбоем и грабили всё, что могли, а добычу прятали за литовской границей, в степях. Так, возникли казачьи сообщества в низовьях Днепра и на Дону. В XV–XVI веках они достигли полного развития и смогли выставлять значительные вооружённые силы. Они стали одинаково опасны как для ослабленных Литвой татар, так и для православных русинов, подчинённых Литве и Короне Польской.

Княгиня, вдова Симеона Олельковича, постоянно страдавшая от ежегодных казачьих набегов, обратилась к польскому королю и великому князю литовскому за помощью. Она предложила передать Киев в обмен на другие земли. Великий князь литовский занял Киев, а Олельковичам взамен отдал территорию протяжённостью около 30 миль в длину и столько же в ширину, с городами Слуцком и Копылем. Так для Слуцка начался период литовского господства и правления удельных князей Олельковичей, продолжавшийся до 1600 года, когда последняя представительница рода, София Олелькович[21], вышла замуж за князя Януша Радзивилла. Она умерла в 1612 году, завещав мужу своё наследственное княжество.

К середине XV века княжество уже называлось Слуцким. Князья Олельковичи, происходившие из рода Ольгерда, заседали в литовском сенате с княжеским титулом. С 1612 года Слуцком более трёх столетий владели Радзивиллы[22]. В начале XIX века дочь князя Доминика Радзивилла, последнего потомка Несвижско-Олыцкой ординации, вышла замуж за князя Сайн-Витгенштейна. В 1845 году Витгенштейны продали город Слуцк российскому правительству.

III .

Я не собираюсь писать историю Слуцка: более любознательных читателей отсылаю к энциклопедиям и историческим трудам о стране. Задача моей работы гораздо скромнее. Давайте прогуляемся по городу и посмотрим, что в нём интересного. Сразу предупреждаю: город был деревянным, его неоднократно опустошали пожары и нападения врагов, поэтому от старины сохранилось немногое.

Когда подъезжаешь к городку по Несвижскому, или Виленскому, тракту, справа, за рекой Случью, видна большая роща. Это был фазаний питомник. Здесь для князей Радзивиллов разводили фазанов. Право охотиться на них князья оставили исключительно за собой. В моё

---

[18] Вблизи впадения реки Березины в Днепр.

[19] Безземельный крестьянин, живущий в чужой избе или собственной хижине, не имеющий земли и не платящий чинша (арендной платы).

[20] Добровольцы.

[21] Дочь Юрия III Олельковича, князя Слуцкого и Копыльского, и Барбары Кишка, подляшской воеводянки. Родилась в 1586 году, умерла в 1612 году, похоронена в Слуцке, в церкви Св. Спаса. Януш Радзивилл, участник шляхетского мятежа против Сигизмунда III, ревностный кальвинист, в обширных владениях, унаследованных после первой жены, основывал протестантские общины и высшие школы, в частности в Слуцке. Второй его женой была немка, дочь бранденбургского курфюрста.

[22] Слуцкое и Копыльское княжества включали 7 городов с оборонительными замками и 32 фольварка. Владения слуцких князей, казалось, были предназначены для того, чтобы дважды — в XVII и XIX веках — вместе с рукой двух представительниц рода Радзивиллов перейти к немцам и обогатить их. После бездетной смерти князя Петра Витгенштейна, родившегося от матери из рода Радзивиллов, владения Радзивиллов, в том числе и Слуцк, перешли к его сестре, которая была замужем за князем Гогенлоэ, впоследствии канцлером Германской империи. Разбогатев благодаря польским деньгам, он в благодарность выступил от имени правительства с предложением выделить ещё миллионы на колонизацию среди поляков.

время фазанов в роще уже не было. Зато она оставалась прекрасным местом для прогулок, а река Случь подходила для купания. В 1826 году сильная буря повалила множество деревьев. Администрация Витгенштейна, чтобы расчистить рощу, выдала жителям разрешения бесплатно вывозить упавшие огромные деревья. Благодаря этому рощу быстро очистили.

Далее путник въезжает в предместье Тройчаны, получившее название от русского мужского монастыря Святой Троицы. Посреди большой площади, заросшей раскидистыми деревьями, возвышается красивая каменная церковь с куполом и двумя башенками, построенная в стиле начала XVII века. Войдя в церковь, справа можно увидеть мраморный памятник русскому генералу Кречетникову[23], погибшему во время конфедератских войн. Иконостас хорошо расписан. В северной части, справа, находится могила княгини Софии Радзивилл — последней представительницы рода Олельковичей, княгини Слуцкой и Копыльской. На могиле, имеющей форму большого сундука, славянской вязью была сделана надпись: «София, княгиня Слуцкая и Копыльская, из рода Ольгердова, преставилась в 1612 году». Можно открыть крышку и увидеть потемневшее лицо княгини. Ближе к иконостасу, в нише, стоит маленький гробик ребёнка по имени Гавриил, которого, согласно рассказу автора, замучили евреи в местечке Заблудове. Его высохшее тело было исколото и пробито гвоздями. Народ глубоко почитал останки княгини Софии и ребёнка-мученика. Во времена тяжёлых болезней и эпидемий жители Слуцка устраивали торжественные крестные ходы и обносили эти реликвии вокруг города, вдоль валов.

За церковью, у реки Случь, стояла деревянная колокольня с одним большим и несколькими маленькими колоколами. Большой троицкий колокол издавал очень приятный звук, разносившийся далеко по реке. По его звону начинали звонить к богослужению и остальные церкви города. Сам монастырь был деревянным; в мои годы им управлял архимандрит Иоанникий, пользовавшийся большим уважением в городе. Слева от церкви находился деревянный дворец для проживания епископа[24]. Однако после присоединения этих земель к Российской империи епископскую кафедру перенесли в Минск. В оставленном дворце разместились старшие классы русской семинарии и библиотека. За оградами монастыря находились фруктовые и огородные участки, принадлежавшие обители. Богослужения в церкви Святой Троицы были особенно торжественными. Хор, состоявший из семинаристов, или бурсаков, прекрасно исполнял духовные песнопения. На большие праздники, особенно на Троицу и Зелёные святки, сюда съезжались жители города и окрестностей. Одновременно устраивалась ярмарка, где после службы бойко торговали пряниками, обувью и другими товарами.

Когда в 1596 году в Литве была введена церковная уния, Троицкий монастырь стал одним из главных центров сопротивления ей. Благодаря этому, 30 приходов не приняли унию. В 1632 году здесь укрывался туровский православный епископ, изгнанный жителями Турова[25]. При монастыре находилось духовное управление из 12 попов, а также объединение переписчиков церковных книг. Архимандрит Троицкого монастыря основал православную школу. В 1817 году её преобразовали в семинарию, а в 1840 году семинарию перенесли в Минск, где она перешла под надзор Минского и Литовского православного митрополита. Нужно добавить, что во время борьбы православных против унии слуцкие кальвинисты поддерживали сопротивление православных, поскольку это отвечало их собственным интересам. В XVII веке они были

---

[23] В.Г.: Кречетников Михаил Никитич (1729–1793) - генерал-губернатор Малороссии, Калужского, Тульского, Рязанского, Псковского и Тверского наместничеств. Участник русско-турецкой и семилетней войн. Не погиб, а умер после непродолжительной болезни по дороге из Лабуни в Каменец-Подольский, в местечке Меджибож.

[24] В Слуцке архимандритом от имени России был печальной памяти Виктор Садковский, с 1785 года — епископ всех дисунитов в пределах Речи Посполитой, орудие северной державы, непримиримый враг и гонитель Униатской церкви. Позднее он стал первым православным минским архиепископом. В.Г.: Дисуниты — православные, не принявшие Брестскую унию.

[25] Туров на Полесье. Существовало Пинско-Туровское епископство. Здесь речь идёт о последнем православном схизматическом туровском епископе Авраамии Стахонском. Слуцкий монастырь всегда был средоточием сопротивления унии. Из него церковные книги рассылались в окрестные православные церкви, не принявшие унию.

весьма влиятельны. Князья Радзивиллы приняли кальвинизм и стали главными руководителями сопротивления религиозных диссидентов в Литве.

После выхода с территории монастыря дорога вела по единственной улице предместья Тройчаны. По обеим сторонам стояли деревянные постройки, в которых размещались бурса, семинария и её младшие классы. Преподаватели и ученики бурсы снимали комнаты у местных жителей. Хор Троицкого монастыря настолько хорошо исполнял духовную музыку, что его приглашали даже на большие католические праздники и на публичные экзамены в кальвинистской коллегии — для придания торжественности этим мероприятиям. После переноса русской семинарии в Минск предместье Тройчаны пришло в полный упадок. Что стало с его жителями, неизвестно; вероятно, они разошлись по имениям и занялись сельским хозяйством. Остались лишь монастырь, заброшенная небольшая церковь Святого Стефана и несколько еврейских корчм. В 1655 году, во время войны России с Польшей при короле Яне Казимире, князь Трубецкой, отброшенный от Слуцка, сжёг предместья Тройчаны и Остров.

IV .

Войдём теперь в город через Виленские ворота и пройдём его до Островских ворот. Город и в то время сохранял овальную форму, окруженный валами с бастионами, устроенными по системе Вобана. Рвы когда-то были наполнены водой. В центре города находился деревянный укреплённый замок — резиденция князей Олельковичей. Войти в город можно было через четверо ворот: Виленские, Копыльские, Островские и Новомейские. Все ворота, кроме Новомейских, были каменными, с башнями и подъёмными мостами. На ночь мосты поднимали с помощью цепей. Из всех воротных башен сохранилась только башня Островских ворот. Несмотря на разрушения, она простояла до 1835 года. Остальные башни разобрали. Бастионы, или башти, прежде были вооружены пушками. Когда приближался неприятель, жители отправляли семьи в соседние леса и болота, а сами вставали на валы для защиты города.

В северной части города находилась цитадель: четырёхугольное укрепление с четырьмя бастионами и рвами, наполненными водой; между рекой и цитаделью проходила дорога, называвшаяся Утечкой. После перехода Слуцка под власть Радзивиллов город считался одной из крепостей Речи Посполитой и был укреплен за счёт князей. Я помню длинные железные пушки, которые сняли с валов и из замка и сложили возле караульного помещения уланского полка, стоявшего в Слуцке. В 1831 году, во время восстания, эти совершенно испорченные орудия всё же внушали властям некоторое опасение такое, что полиция распорядилась затопить их в реке Случь. Более качественные бронзовые пушки ещё раньше перевезли в Бобруйскую крепость, а затем дальше, в глубь России.

Во второй половине XVIII века крепостью управлял князь Флориан Радзивилл[26]. Это был суровый господин. По преданию, он требовал безупречного порядка и точности в несении гарнизонной службы. Князь умер в Белой. Его сердце, помещённое в серебряную шкатулку, каноник Риокур[27] оставил в ризнице слуцкого фарного костёла.

---

[26] Князь Иероним Флориан Радзивилл, великий литовский хорунжий, умер в 1760 году. Помимо гарнизонов в своих замках, он содержал 6000 хорошо обмундированных и обученных пехотинцев и кавалеристов, размещённых в его обширных владениях. О жестокости этого магната см. у Котлубая и в книге Евстафия Тышкевича «Картины домашнего быта в Литве». Однако сам он был трезвенником и неумолим к пьяницам.

[27] Князь Людвик Риокур (Ludwik Riaucourt), сын богатого французского купца, гнезненский каноник, епископ Птолемаиды in partibus infidelium и приходской священник в Радзивилловской Белой, умер в 1777 году. Именно он в 1733 году отправился во Франкфурт-на-Одере за королём Станиславом Лещинским и перевёз его через Великопольшу в Варшаву, переодетого и скрывавшегося под чужим обликом. В Гнезно Риокур бывал редко, однако оставил там память о себе. В 1759 году, будучи управляющим (регеном) капитульного имения Валишево близ Гнезно, он восстановил деревянную приходскую церковь, которая к тому времени пришла в полное запустение, украсил её и снабдил церковной утварью и облачениями. Сегодня эта церковь является филиальной. («Материалы к истории Станислава Лещинского» и Корытковский).

Войдя в город через Виленские ворота, на Виленской улице слева можно было увидеть русский женский монастырь Святого Ильи, пророка. Внутри монастырской ограды находились две деревянные церкви: большая летняя и маленькая зимняя; колокольня с несколькими звонкими колоколами. Во времена игуменьи Кохановича[28] летняя церковь была украшена новым иконостасом. Богослужения проходили торжественно. Священник Даниил и дьяк Севера были усердными служителями алтаря. Во время службы я видел от двенадцати до пятнадцати монахинь. Девочки-сироты, воспитывавшиеся при монастыре, хорошо пели во время литургии. Когда-то монастырь был богатым. Князья Олельковичи наделили его деревней Церушки, где проживало пятьсот крестьянских душ. Российское правительство забрало это имение в казну. Маленькая зимняя церковь была украшена старинными иконами византийской живописи в серебряных окладах. Я часто бывал в этих церквях вместе с майоршей Ладыжинской, вдовой и сестрой госпожи Кохановичь. Вечная память этим достойным пожилым женщинам! До пострига игуменья Кохановичь была вдовой, у неё было три дочери и сын. Сын сделал военную карьеру, дослужился до генеральского чина и во время Крымской войны командовал крепостью Кинбурн в устье Днепра. В 1855 году к крепости подошла франко-английская эскадра, один из броненосных кораблей обстрелял укрепления. Это стало одним из первых испытаний боевого применения броненосца в присутствии французского и английского адмиралов. Половина гарнизона погибла, а комендант Кохановичь вынужден был капитулировать, после чего потерял должность и расположение начальства. Три его сестры: Марылька, Анастасия и Тереза умерли от чахотки.

В 1852 году большую церковь передали уланскому полку, стоявшему в Слуцке, а в монастырь перевезли монахинь-униаток ордена Святого Василия, которые после упразднения унии они не захотели принимать православие и постепенно умерли здесь.

От монастыря Святого Ильи продолжим путь по Виленской улице. Во всех небольших усадебных домах жили горожане. Когда-то, помимо земледелия, они вели довольно обширную для своего времени торговлю с Гродно, Вильней и Киевом[29]. Теперь же они обеднели, а торговля перешла в руки евреев. Во времена Речи Посполитой евреям запрещалось покупать участки в некоторых частях города. После присоединения края к Российской империи эта привилегия христиан была отменена. Христиане постепенно беднели, а ремесленные цехи, мастерские, питейные заведения и лавки переходили к еврейским торговцам. Жаль было видеть обедневших горожан. Кагальный дух солидарности, отличавший сынов Израиля в борьбе с христианами, сплотил их в этом деле. Постепенно лучшие участки земли и дома переходили в руки предприимчивых евреев, которые записывались в цехи и ремесленные объединения. Добродушный и доверчивый христианин не мог выдержать конкуренции с евреем, продавал свою усадьбу и переселялся куда-нибудь подальше, чтобы заняться земледелием, либо заканчивал жизнь в пьянстве и скитаниях. Ещё в мое время жили потомки Якимовичей, Плишко и Манохов, некогда состоятельных горожан. Ещё видел их во время праздников на прогулках и в церквях: они носили лисьи шубы с декоративными застёжками, подпоясывались богатыми слуцкими поясами[30], надевали высокие шапки и держали длинные трости с круглыми навершиями, похожими на булавы. Постепенно эта одежда исчезла, уступив место длинным сюртукам, зимой из байки, летом из нанки. Повторяю, христианин никак не может выдержать кон-

---

[28] Родственница униатского луцкого епископа, впоследствии митрополита, князя Григория Кохановича, умершего в 1814 год.

[29] В письме Анджея Сапеги к Кшиштофу Радзивиллу за 1598 год содержится упоминание о слуцких купцах, ездивших через Смоленск в Москву (Архив Сапег, изд. Прохаска).

[30] Фабрику по производству поясов основал в Слуцке около 1750 года князь Иероним Радзивилл. Изготавливал их Ян Маджарский, христианин, прибывший из Турции, а после него — его сын Леон, «директор Слуцкой персидской фабрики». Ежегодно производили до 200 великолепных, богато украшенных поясов, стоимость которых составляла от 5 до 50 червонных золотых. Сегодня стоимость самых выдающихся слуцких поясов достигает 2000 золотых за штуку. (Колачковский, «Сведения о промышленности и искусстве в старой Польше»).

куренции с евреем, который стремится прибрать к рукам всё, всегда имеет доступ к кредиту и, постоянно снижая цены на товары, способен в конце концов разорить его.

На Виленской улице, возле монастыря Святого Ильи, жили Якимовичи, которые дольше других занимались торговлей кожей и сафьяном. Некоторые мещане сумели дать детям хорошее образование. Не видя для себя будущего в родном крае, молодые люди отправлялись искать удачи на гражданской службе, иногда в отдалённых областях России. Я встречал среди них полезных обществу и уважаемых чиновников.

V.

Не доходя до рынка, справа можно было увидеть пустырь, где когда-то стояла церковь Преображения Господня. Она сгорела и больше не была восстановлена, поскольку число христиан в городе сокращалось. Дальше, в частном доме, находился театр, где выступала странствующая труппа господина Клокоцкого. Однажды с труппой приехала молодая и красивая актриса, кокетливая и окружённая многочисленными поклонниками. Не знаю, что именно произошло, я учился тогда в пятом классе и находился на уроке физики. Преподаватель Мартин Богуславский объяснял теорию столкновения тел, когда в класс вошёл ксендз-префект, а за ним — сторож. Они вызвали пятерых или шестерых учеников и, ничего не объясняя, назначили каждому по шесть ударов розгами. В классе началась такая паника, что даже после ухода префекта ученики ещё долго дрожали от страха.

Сразу за аптекой Куликовского жила госпожа Дашкевич с Полесья: род Дашкевичей был древним и происходил от литовских князей; ему принадлежала деревня Будзиничи. Госпожа Дашкевич жила в Слуцке ради образования сыновей Гектора и Тита, а также дочери Стефании. Все члены семьи отличались необыкновенной красотой, но особенно выделялась Стефания. Такие красавицы рождаются раз в 150 или 200 лет. Она была стройной, весёлой и прекрасно танцевала: неудивительно, что в неё влюблялись ученики старших гимназических классов и даже некоторые преподаватели, посвящавшие ей восторженные стихи. Знаю, что после завершения образования Стефания вышла замуж и уехала в Новогрудские края.

V I.

Идя по Виленской улице, доходим до рынка: большая прямоугольную площадь, разделённую на две равные части с рядом деревянных лавок. Почти все лавки давно находились в руках евреев. Мещанам оставалась продажа баранок, пряников, маковых изделий, гречневых лепёшек, глиняной посуды и других товаров, однако и в эту торговлю всё активнее входили еврейские продавцы.

В 1441 году король Казимир Ягеллончик даровал Слуцку магдебургское право, а в 1650 году король Ян Казимир подтвердил его. Городу также предоставили право проводить два торговых дня в неделю и две ярмарки в год. В 1824 году в городе было два богатых торговых дома — Евны и Таубе. Позже появился ещё один состоятельный торговец, выигравший деньги в Варшавской лотерее. За это евреи прозвали его Скоробогатым.

В моё время евреи были другими, не такими, как теперь, когда среди них распространились стремление к удовольствиям, любовь к изяществу и образованность. В первой половине XIX века богатые и бедные евреи были одинаково бережливы и трудолюбивы, питались очень скудно и лишь по субботам позволяли себе немного больше удобств и удовольствий. В их одежде и домах царила неряшливость. Мужчины брили головы и покрывали их ермолками, из-под которых свисали пейсы. Одежда была чёрной, длинной и узкой — такой, в какой они переселились из Германии в Польшу и Литву. Женская одежда тоже была некрасивой: замужние женщины брили головы и покрывали их чепчиком, к которому пришивали так называемые мушки; у более состоятельных они были расшиты жемчугом. Голову они также обвязывали шерстяными платками, сложенными наподобие тюрбана. Юбки были короткими и узкими,

лифы короткими, доходившими лишь до лопаток, а на ногах носили туфли на пробковых подошвах, без задней части, так что при ходьбе подошва отделялась от пятки и издавала стук, напоминавший трещотку. Но более всего досаждал невыносимый запах: смесь лука, чеснока и рыбы с добавлением запаха, свойственного семитам, а как я позднее убедился, всему африканскому племени. Некоторые, не зная об этой физиологической особенности расы, придумали, будто наши евреи происходят от тех мятежников, которые в пустыне роптали против Моисея: более виновных поглотила земля, а на менее виновных и их потомков Моисей в наказание наслал запах пота на вечные времена. Всё это придавало евреям нечто отталкивающее. Об учёности среди них не могло быть и речи. Во всём городе был только один Канторович, знаток Священного Писания, и того подозревали в масонстве. Лишь после 1832 года один из молодых еврейчиков поступил в Слуцкую гимназию и прилежно учился. В мои времена евреи были очень набожны и строго соблюдали предписания своей веры. В синагогу канторы созывали ударами молотка в дверь три раза. Этот обряд масоны ввели у себя в масонских ложах. По субботам канторы созывали верующих на богослужение, протяжно распевая: «Гей шулерайн!» (Geh Schül herein)[31]. Несколько раз из любопытства мы бывали в синагоге во время праздника Йом-Кипур, то есть Судного дня[32]; там пели плачи Иеремии на какой-то древний мотив, возможно, принесённый ещё из Иерусалима. Кантор или раввин пропевал строфу плача тонким, переливчатым напевом. Когда он заканчивал, вся синагога била себя в грудь и что-то пела, пока удар в бубен не прерывал эти скорбные песнопения. И снова кантор исполнял строфу из плача. Фанатизм у евреев был непримиримым: всю ненависть, которую некогда испытывали палестинские евреи к своим кочевым соседям: эдомитянам, эламитянам и амореям, они перенесли на добродушных жителей нашей страны и, пользуясь их добротой и беспомощностью, всячески лишали их имущества и наследства.

Однажды нас пригласили на свадьбу к одному из богатых евреев. После обычного угощения изюмовым вином, которое показалось мне очень вкусным, и пирогами еврейского приготовления, вдруг расставили столы и устроили перед нами небольшое драматическое представление. Содержание его было следующим. Одна молодая еврейка влюбилась в христианина. Для правоверных, фанатичных евреев это было ужасным событием. Вся семья пыталась её образумить, но ни уговоры, ни угрозы не помогали. Тогда из могилы поднимается бабушка девушки, завёрнутая в простыню, и запевает на немецко-еврейском жаргоне:

«Из могилы я поднялась,
И к тебе пришла;
О девушка! О девушка!
Не хочешь ли ты вернуться домой?»

Но это не помогло. Привидение исчезло. Тогда на стол влезли четверо чертей, одетых в уланские мундиры с оранжевыми лацканами, в оранжевых касках, с саблями при боку. Схватив девушку, которая громко звала на помощь, они унесли её в ад. На этом представление закончилось. В те времена фанатизм евреев был очень силён, и переход еврея в одну из христианских конфессий считался невозможным: виновник исчезал бесследно; вероятно, его тайно убивали.

В Слуцке единственный музыкальный хор, или, как его называли, капелла, содержался на средства евреев. Главным дирижёром капеллы был цирюльник Зелик. Он сочинил очень своеобразный марш и исполнял его с большим чувством: прикрыв глаза и склонив голову набок. Все мазурки и танцы, которые играла капелла, приобретали одновременно задорный и печальный характер. В этой музыке было что-то меланхоличное.

Когда спустя 20 лет отсутствия я посетил Слуцк, то слушал игру капеллы, желая записать марш Зелика. Но новое поколение музыкантов уже не знало этого марша.

---

[31] В.Г.: Заходите скорее!

[32] В.Г.: самый важный и торжественный праздник в иудаизме, через 10 дней после Рош ха-Шана (еврейского нового года).

Оставляя позади рыночную площадь, не могу не упомянуть русского купца Ваньку, который ежегодно приезжал в Слуцк и арендовал торговую лавку на этом месте. Ванька первым познакомил слуцкий край с употреблением чая и самовара, первым привозил икру, балыки[33] из осетрины, шамайку[34], меха и другие русские товары.

VII .

На замковом острове, окружённом проточной водой ручья Бычок, находилась соборная церковь Святого Николая — прежде замковая церковь князей Олельковичей. Она была деревянной и новой: старая церковь сгорела после удара молнии в XVIII веке. В качестве характерной черты представлений того времени добавлю одну подробность: когда загорелась православная церковь и стало известно, что причиной пожара был удар молнии, набожные жители окрестных деревень во весь опор примчались в город и привезли с собой столько кислого молока, сколько каждый смог. Простые люди верили, что пожар, вызванный молнией, можно потушить только кислым молоком. В новой Никольской церкви крестообразной формы с куполом сохранились старые иконы, спасённые от пожара. Были они некрасивыми. Бывая в церкви, видел сходство лиц на иконах с лицами прихожан и из этого сделал вывод, что изображения святых в храмах должны быть красивыми, поскольку, это влияет на красоту будущих поколений.

Пройдя мимо бывшего замка, можно было увидеть небольшой дом с часовней: это католическая больница для пожилых мужчин и женщин.

Перейдя мост через речку Бычок, путник попадал на площадь, где стоял приходской костёл — слуцкая фара. Уже в XV веке в Слуцке насчитывалось около полутора тысяч католиков: для них в 1419 году построили приходской костёл из лиственницы — чрезвычайно твёрдой и долговечной древесины. С момента основания и до 1842 года храм избегал пожаров.

Костёл был обращён фасадом на восток, имел две башни, а между ними на фронтоне находилось изображение святого Георгия на коне, поражающего дракона. Под изображением была надпись: «Credo in unam sanctam catholicam et apostolicam Ecclesiam» (symb. Nicaenuin)[35]. На отдельной колокольне висели два больших колокола. Костёл освятил Матвей, виленский епископ. В 1439 году князь Михаил Жигимонтович, внук литовского князя Кейстута, пожаловал храму земли. Значительный вклад внесла и княгиня София Олелькович[36]. В костёле было четыре алтаря. На главном находилось распятие хорошей резной работы. Ежедневно сначала служили мессу по греко-униатскому обряду, а затем — по латинскому. Справа располагался алтарь Святого Николая, епископа, слева — алтарь святой Анны, принадлежавший братству Святой Анны, у которого был собственный капитал и священник, служивший при алтаре. Ещё один алтарь принадлежал братству святой Марии Магдалины. В ризнице хранились старинные серебряные предметы, а также сердце князя Флориана Радзивилла. В 1826 году в костёле отмечали юбилейный год по распоряжению папы Льва XII. Сюда съехался весь уезд.

Много было благочестия и обращений в веру, многие старые распри и споры были улажены. Это происходило летом. Помню, с какой торжественностью открыли юбилей. Под пушечные выстрелы и треск петард в костёл внесли папскую буллу на фиолетовой подушке.

---

[33] Спинная часть осетра.

[34] Рыба в России.

[35] В.Г.: «Верую во единую, святую, католическую и апостольскую Церковь».

[36] Она не была католичкой, но принадлежала к восточному вероисповеданию и, тем не менее, относилась к католикам доброжелательно. Мать её происходила из кальвинистского рода Кишек, отец был схизматиком (православным). Несецкий нагородил немало небылиц о трёх последних слуцких князьях. Из них католиком и приверженцем латинского обряда наверняка был только князь Симеон III — последний мужчина из княжеского рода, умерший в 1593 году. Он был женат на ревностной католичке Софии Мелецкой, дочери великого коронного гетмана, которая после его смерти вышла замуж за великого Яна Кароля Ходкевича. Князь Александр умер в Кракове в 1591 году, но был ли он католиком — неизвестно. Что же касается отца княгини Софии, то можно твёрдо утверждать, что католиком он не был (ум. 1586).

Прелат Шантыр произнёс трогательную проповедь на слова пророка Исайи: «Господи! Господи! Я не умею говорить». В течение недели богослужения проходили не только в приходском костёле, но и у бернардинцев, в костёле Святого Духа и в небольшом костёле на кладбище. Утром и вечером собирались огромные толпы. Позднее местная шляхта добилась продления юбилейных торжеств ещё на неделю. Это был последний такой юбилей в Литве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.